

Анастасия СЕРГЕЕНКО
(Пермь)

Раскатом грома вспышкой отгремела юность,
И молодость отпляшет вслед за ней.
Укоренилась в мыслях чёрствость, грубость,
И безрассудство не коснётся уж затей.

Я помню, как в хмельном тумане ночи
Бодрила лаской милосердная луна.
Как сердцем был я весел, непорочен,
И как за летом следом шла всегда весна.

Как ветер праздно раздувал распахнутую куртку,
Как сладок был мой бестревожный сон.
Как мимолетные мечтанья были хрупки.
Везде, где мог прибиться, был мой дом.

Как грудью бороздил я штормовые волны,
Как не терпел размолвок и разлук.
Объять весь мир готов был добровольно
Всей шириной раскинутых вдоль горизонта рук.

Как бы не стать предметом собственных былых насмешек!
Луна по-прежнему мне освещает путь...
И пусть я временем и знаньем обезврежен,
Что дальше? Не успею и моргнуть.

Жилища вбиты в землю сваи,
Я всё себе давно уж доказал.
Но словно волк, отбившийся от стаи
Набегом сохраняю тот запал.

В Москве я нахожу отдушину провинций,
Не тронул Питер тонких сердца струн.
Советские проулки оппозиций
Роднее мне резных каретных сбруй.

Я сам в Москве не местный, и не житель.
В кармане завалился лишний золотой.
Махнём на выходные в Питер?
А я хочу прогулку вдоль Тверской!

Высокая, уютная, сухая,
Безжалостна средь дня и так нежна в ночи.

Я по зеленой ветке рассекаю,
И подземелья пыль меня не огорчит.

Вобрав весь лоск пройду по Патриаршим,
Запечатлею Кремль словно мне впервой.
Столичный воздух пусть хоть раз обдавший,
Уже не отпускает на покой.

Пусть проездом, пусть хоть сутки,
Всегда как десять лет отжил.
Москва - периферии промежутки,
Я Питер всем нутром не любил.

Холодный отблеск коридорных стен,
В крошечной тишине негромко вяжут спицы.
Искоты ослабленные пальцы, но всё же не сильнее вен:
Второй этаж онкологической больницы.

Здесь мало говорят о кровных и родных,
Не вспоминают с ностальгией детство.
А просят полупшепотом в палате дверь прикрыть
И одолжить посудомоечное средство.

Здесь строгий безразличный шаг врача
Цинично нарушает среди дня покой палаты.
В глаза не глядя, с уверенностью палача,
Без объяснений назначает препараты.

Здесь даже свежий воздух из открытого окна
Не перебьёт зловонный запах смерти.
Тянутся ночи в агонии дурного сна,
В котором видятся то ангелы, то черти.

И лишь одно как прежде душу рвёт:
Как на рассвете с улицы щебечут птицы.
Клубок из пряжи тихо на пол упадёт...
Второй этаж онкологической больницы.

Пусть станут абсурдны теории мира.
Пусть история лишь небылица и вздор.
Пусть встаёт под вопрос драгоценность сапфира.
Пусть не Пушкин совсем написал «Ревизор».

Пусть отменяются страны и деньги.
Пусть прогресс возвратится к отметке нуля.
Пусть шагает по-рабски народ по шеренге.
Пусть больного лечить можно лишь пристреля.

Пусть с востока на запад поедет орбита.
Пусть в метанол обернётся вода.
Пусть на месте стоят литосферные плиты.
Пусть нет никакого земного ядра.

Одна лишь твердыня вовек нерушима,
Хоть пыткой до крика её доведи.
Театра нетленного вечная прима.
И имя ей Сила Моей Любви.

Прохладный гул обдал ущелье отвесной скалы,
Земли сырой болото леденит и поглощает осторожный шаг.
Я здесь, чтобы познать сплетение природы и любви,
В этих лесах я сам себе и стая, и вожак.

Я чащей в гору без оглядки,
Темнеет: то ли ветка на земле, то ли змея.
Лес - царство собственных устоев и порядков,
Чем глубже, тем загадочнее трели соловья.

С горы открылась панорама:
Туманной дымкой кроны сосен облеклись.
И за пределами массива остаётся сном любая драма,
Сказал бы кто «останься, от мирского отрекись».

Медно-коралловый закат покрыл остатки дыма,
И янтарём зардел лучами солнца круг.
Он в пепел обратил мои упрямство и гордыню,
И подсветил браваду мной заранее присвоенных заслуг.

Могущество лесной земли меня в объятиях ночных пригрело,
Я позвонками впил всю мудрость многолетия корней.
Всё, что терзало, - с рассветом отболело,
Оковы сброшены ржавеющих цепей.

С природой здешним таинством сходил я под венец,
Мой дух - батавская слеза, а не хрусталь.
Лечу, словно бы только оперившийся птенец,
Чтоб заново тебя узнать, моя веридиановая даль.

Как же хочется жить без оглядки,
И сошла чтоб тревожная дрожь.
По утрам снова делать зарядку

Пусть хоть солнце, хоть ветер, хоть дождь.

Как убрать из себя мне бы ведать
Первобытный упрямый стыд.
И вообще б никогда не делать,
То, что сильно натуре претит.

Тяготящие болью мысли
Беспощадно терзают сон.
И мне в помощь по поиску смысла -
Обессиленный сдавленный стон.

Мне бы только вернуться домою
В мой очаг и мою колыбель,
Где пропитанный лес тишиною
И где снегом укутана ель.

Как и прочие не молодею,
Но чиста и в тепле изба.
Я так скоро совсем сумею
Полюбить самого себя.

Отгорел над верандой светильник,
Вот вернулась бы детская прыть,
Чтоб будил по утрам не будильник,
А большое желание жить.

Я столько раз откладывал на завтра,
И продолжаю это делать вновь и вновь.
Всё от того, что я не вижу смысла
Ни в чём кроме безудержных грехов.
Бесчисленна коллекция камней,
Что найдена в египетских гробницах,
А вот Саврасов умер в нищете,
А Ницше вовсе сгинул в психбольнице.

Мне не найти закономерной ипостаси,
Что ж, так бывает: не дарована мне роль.
Я полежу в своих былых надеждах словно в грязи,
Словно забытая на почте бандероль.

Затуманен бескоробной юностью
Затянувшейся свыше мер.
Я чужой упивался глупостью,

С самого себя брал пример.

Одурманился лёгкой радостью,
За которую был в долгах.
Прикрывался душевной святостью,
Что давно потерял впотьмах.

Бьюсь в трясины руками, ногами,
Уж и топь отвергает меня.
Кого раньше пленял словами,
И не глянут небрежно гоня.

Белым флагом машу словно знаменем,
Мой коснулся окурок перил.
Я всегда знал, как жить правильно,
И знал почему не жил.

Признаться, я бываю здесь довольно часто,
И каждый раз, будь проклят, в горле ком.
Я сделал свою первую затяжку
Здесь во дворах от матери тайком.

Без спроса посещал заброшенную стройку,
Хоть каждый раз боялся - не смогу.
Обходом огибал у гаражей помойку,
Чтобы купить в ларьке жвачку по рублю.

Асфальт здесь не забыл печать моих коленей,
Качели возле дома мне по-прежнему страшны.
В подъезд ведут всё те же самые ступени,
Но вот проём дверной кажись другой величины.

Я здесь давно чужак и посторонний,
Но дайте хоть глазком-то мне взглянуть!
Стою, воспоминанием смятённый,
Пора идти, а мне ещё бы хоть чуть-чуть...

Впервые здесь познал я шок потери,
Когда повесился наш пьяница сосед.
И звук, с которым взламывали двери
Ни раз нарушил мой полночный бред.

Здесь было странно, было пусто,
Бывал уют, тепло и смех.
И того снега под ногами хруста...
Ношу его с собой словно доспех.

И улица моя - моё наследство,

Дом быта, мини рынок за углом.
Никто иной как призрак собственного детства,
Я приезжаю, чтоб не думать о плохом.

И помню как вчера родителей объятия...
Надеюсь, не придётся мне узнать,
Ведь не имею ни малейшего понятия,
Как можно вдруг сюда не приезжать.